

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА: ПРОФЕССИОНАЛЫ РЕКОМЕНДУЮТ

Несмотря на то, что Высшая школа перевода работает в Герценовском университете относительно недавно, она уже сумела получить высокий статус и авторитет как в России, так и за рубежом. Во многом это происходит благодаря выпускникам. Среди них – Егор Овчаренко – переводчик службы русского письменного перевода Секретариата ООН в Нью-Йорке.

– Егор, Вы наш выпускник...

– Я выпускник Высшей школы перевода Герценовского университета 2010 года.

– Какими языками Вы владеете? И какова изначально для Вас была цель изучения иностранных языков? Ведь каждый, кто учит языки, преследует какую-то цель.

– Вы знаете, у меня нетипичный опыт для профессионального переводчика. Я не заканчивал языковой вуз, у меня философское образование. И изначально изучение иностранных языков мне казалось крайне сложным и не очень приятным, а во время обучения в средней школе – в основном, бессмысленным делом. Но затем я столкнулся с необходимостью владения иностранными языками, прежде всего – английским, для того, чтобы принадлежать не только к российской культуре, как мне тогда казалось, а к мировой культуре вообще. Теперь я понимаю, что владение иностранными языками, знакомство с культурой зарубежных стран на языке оригинала необходимо для развития современной русской культуры, для полноценного развития, я бы так сказал, каждого россиянина. Поэтому, когда я поступил на философский факультет РГГУ, я хотел изучать иностранные языки, а когда столкнулся с тем, что мне нужно изучать философию, потому что философия тесно связана с языком, можно сказать, неразрывно на языке оригинала, я приступил к изучению иностранных языков так сказать в массовом порядке. Там дали возможность учить немецкий, древнегреческий, латинский, французский, короткое время я изучал иврит, который теперь забыл. Сейчас этими пятью языками, о которых я сказал, я более-менее и владею.

– Что Вам дало обучение в Высшей школе перевода?

– Высшая школа перевода дала мне возможность узнать, как работают профессиональные переводчики в России на самом высоком профессиональном уровне, понять самые высокие требования, которые существуют на рынке, и научила меня в значительной мере им соответствовать. И еще, надо сказать, это был опыт радости профессионального общения, которое продолжается и после окончания. Я, конечно, пришел учиться именно в Высшую школу перевода Герценовского университета неслучайно: уже после первого года работы о ней были очень хорошие отзывы. И я на своем личном опыте убедился, что это очень редкое для современной России учебное заведение, где преподаватели обладают выс-

чайшей квалификацией и готовы делиться своими знаниями со слушателями.

– Егор, как Вы считаете, можно ли выучить до конца какой-то язык, например – английский или какой-то другой?

– Отличный вопрос. У меня первый иностранный язык – французский. Я прожил больше десяти лет в Париже и все равно прекрасно понимаю разницу между родным языком, как мы говорим в переводческой среде, языком А, и иностранным языком В. На него вы можете переводить, но, за редкими исключениями, не будете владеть им так, как родным. Владение языком в строгом смысле предполагает не просто знакомство, а внутреннюю причастность к культуре этого языка, к литературе. В профессиональной переводческой среде языком А считается тот, на котором человек получил полноценное среднее, а иногда даже и высшее образование. Образование необходимо, чтобы владеть языком в полной мере. Поэтому для профессиональных целей можно изучить иностранный язык так, чтобы осуществлять полноценный перевод на него. Но дистанция между родным языком и языком иностранным всегда остается, особенно у человека, который является специалистом в языке, который понимает, насколько глубоким может и должно быть знание языка.

– А как же билингвы или дети, воспитанные в семьях, где для общения используются сразу два языка?

– Понимаете, билингвы – или родители за них – делают выбор в тот момент, когда они идут в школу, когда начинают получать образование. Я не случайно сказал, что имеет значение не только среднее, но и высшее образование – лишь единицам удается получить и высшее, и среднее на двух языках. И многие люди, столкнувшиеся с проблемой билингвизма в собственной семье – среди моих знакомых много таких – прилагают огромные усилия для того, чтобы обеспечить обучение детей параллельно в двух школах. Среди переводчиков ООН много таких, у которых дети-билингвы. Дети учатся, и очень интересно наблюдать, что действительно многие из них в совершенстве говорят и по-английски, и по-русски. Что будет, когда они окончат университет – и какой университет они окончат? Согласитесь, на этот вопрос ответить непросто.

– Егор, есть ли такие языки, которыми Вы хотели бы овладеть?

– Безусловно. Думаю, что мне стыдно не знать больше романских языков, прежде всего – испанско-

го, итальянского, португальского. Конечно, есть много интересных языков, но человеческие силы ограничены, и лучше было бы довести если не до совершенства, то до уровня, близкого к совершенству, знание тех языков, которыми я владею, еще не так хорошо.

– Егор, скажите, пожалуйста, Вы работаете со многими переводчиками, которые приехали из России – какие вузы они окончили?

– Практически все переводчики старшего поколения закончили так называемые курсы ООН, которые существовали в СССР до 1991 года. После этого учреждение послевузовского образования прекратило свое существование. Сейчас, насколько я знаю, в России существует не так много высших учебных заведений, которые под писали меморандум с Департаментом Генеральной ассамблеи и конференционного управления, в который входят все переводческие службы Секретариата ООН. Во-первых, это Герценовский университет, где в Высшей школе перевода готовят переводчиков, в том числе, для ООН. Аналогичный меморандум подписал МГИМО, а затем – МГУ. Выпускать переводчиков для ООН они могут, но пока не делают этого, так как не решили ряд учебных и организационных вопросов.

– А отличаются переводчики старой закалки и новой формации?

– Дело в том, что раньше был другой порядок – все сотрудники Секретариата, занимавшиеся переводом на русский язык, были прикомандированными сотрудниками МИДа. С курсов люди сразу направлялись работать в ООН. Сейчас для того, чтобы работать в ООН на постоянной основе, нужно пройти конкурсный экзамен. Этот экзамен открыт для всех, не только для выпускников тех вузов, которые подписали меморандум с Секретариатом. Надо сказать, что сейчас в нашей службе на постоянной основе работают несколько выпускников нашей школы, то есть успех Высшей школы перевода Герценовского университета – в том, что ее выпускники этот экзамен сдают. Хотя слух ходит, что сдать его практически невозможно, и большинство его действительно не сдают, ведь там огромный конкурс.

– Согласитесь, Егор, то, о чем Вы говорите, довольно любопытно, ведь Высшая школа перевода пока что довольно молода...

– Школа может быть и молода, но преподаватели, которые в ней работают, обладают очень большим опытом по работе на рынке как синхронного, так и письменного переводов. Один из таких преподавателей – директор Школы Ирина Сергеевна Алексеева, которая работает с немецким языком. У нее накоплен огромный опыт не только практической работы, но и преподавания перевода. Ирина Сергеевна – автор учебных пособий, которые известны не только в Герценовском университете, но и в других местах, где

Е. Овчаренко.

преподают перевод, в частности – синхронный. Среди преподавателей школы следует также отметить и Сергея Яковлева, выдающегося переводчика с английского и на английский. Кстати, он является выпускником Герценовского университета.

– Конечно, все секреты Вы нам не раскроете, но расскажите, как происходит работа переводчиков в ООН.

– Письменные переводчики ООН переводят документацию для главных и вспомогательных органов ООН, в том числе самые важные документы – резолюции Совета Безопасности. Это происходит практически в реальном времени. То есть заседает Совет и для того, чтобы он принял какую-то резолюцию, обязательно проект этой резолюции должен быть представлен на всех шести официальных и рабочих языках. Соответственно, когда проходит голосование и решение принято со всеми поправками, которые там могли быть внесены устно, проект резолюции должен быть переделан. Все поправки должны быть внесены. Только с того момента, когда на всех шести языках документ готов, он становится официальным. До сих пор есть так называемая вечерняя смена – это шелон редакторов, которые работают, в том числе, на Совет Безопасности, но не только, так как могут быть срочные заседания каких-нибудь других международных органов, например, обслуживающих конвенции или конференции. Мне, например, довелось перевести документы Конвенции по кассетным боеприпасам – вы знаете,

что международное сообщество борется с распространением этого смертоносного вида оружия.

– Егор, в любой работе бывают всякие интересные случаи. Можете ли Вы нам рассказать что-то подобное?

– Могу рассказать вам необычную историю, которая случилась со старшим редактором службы русского письменного перевода Юрием Васильевичем Торопиным 11 сентября 2001 года. Тогда все думали, что после удара по башням-близнецам следующей мишенью террористов станет здание Секретариата ООН, которое тоже расположено в Нью-Йорке. Квартал, где находится Секретариат, был оцеплен, фактически там было что-то вроде чрезвычайного положения. Высшие руководители Организации на работу не пришли, за все отвечал руководитель службы безопасности, и вообще чуть ли не единственными людьми в здании были переводчики и сотрудники службы безопасности. И Юрий Васильевич Торопин, старший редактор, который проработал в ООН больше двадцати пяти лет, в одиночку перевел резолюцию Совета Безопасности, которая осуждала те самые теракты 11-го сентября. Это большое достижение даже с переводческой точки зрения, поскольку такие важные документы, как правило, не делают в одиночку. Сейчас такая ответственная работа продолжается, но уже не в таких чрезвычайных условиях.

Антон ДЕРКАЧ,
ведущий специалист по связям с общественностью редакции «ПВ»